

ХОЛМСКО-ВАРШАВСКИЙ ЕПАРХИАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ХОЛМСКО-ВАРШАВСКОЙ АРХИЕПИСКОПСКОЙ КАМЕРАЛЬ.

Адресъ Редакціи:

Долгая улица № 13, въ зданіяхъ Варшавскаго Кафедральнаго Собора при Консисторіи.

Годовая цѣна—5 р. с.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ: 1-го и 15-го числа.

ОТДѢЛЪ I.

ВЫШІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Выписна изъ журналовъ Комитета Министровъ 5 и 19 мая 1881 г. Объ освобожденіи присутственныхъ мѣстъ въ губерніяхъ Царства Польскаго отъ служебныхъ занятій въ дни католическихъ праздниковъ по новому стилю.

Слушана записка Министра Юстиціи, отъ 13-го апрѣля за № 7417 (по Деп.), объ освобожденіи отъ занятій присутственныхъ мѣстъ губерній Царства Польскаго въ дни католическихъ -праздниковъ, чествуемыхъ по новому стилю.

Соглашаясь съ заключеніемъ Министра Юстиціи относительно освобожденія присутственныхъ мѣстъ Привислинскаго края отъ служебныхъ занятій въ нѣкоторые главнѣйшіе римско католическіе праздники, и признавая съ тѣмъ вмѣстѣ, что примѣненіе таковой мѣры къ учебнымъ заведеніямъ сего края должно быть предоставлено усмотрѣнію Министра Народнаго Просвѣщенія, Комитетъ полагалъ:

I. а) Въ празднуемые по новому стилю римско-католическою церковью дни: 1-го января, Срѣтенія Господня, Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, Св. апостоловъ Петра и Павла, Успенія Пресвятой Богородицы, пятницу и субботу Страстной недѣли, два первые дня Пасхальной (свѣтлой) недѣли, день Вознесенія Господня, Духовъ День, Божья Тѣла, Рождества Пресвятой Богородицы, Всѣхъ Святыхъ и

Непорочнаго Зачатія, а также 24, 25 и 26 декабря, освободить присутственныя мѣста губерній Царства Польскаго отъ служебныхъ занятій;

б) Предоставить Министру Народнаго Просвѣщенія примѣнять означенную мѣру къ учебнымъ заведеніямъ Варшавскаго округа по ближайшему усмотрѣнію;

и II. Предложить о содержаніи пункта а) предъидущей статьи Правительствующему Сенату для свѣдѣнія, предоставивъ подлежащимъ вѣдомствамъ огласить содержаніе сего пункта циркулярными распоряженіями, а Варшавскому Генералъ-Губернатору припечатать оное въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ и Варшавскомъ Дневникѣ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, въ 15-й день мая 1881 года, положеніе Комитета Высочайше утвердить соизволилъ.

Комитетъ, въ засѣданіе 19-го мая, опредѣлилъ: сообщить о томъ Министрамъ Юстиціи и Народнаго Просвѣщенія къ исполненію выписками изъ журналовъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

I. Назначеніе на вакансію настоятеля лозазскаго прихода.

Архиастрейкою Его Высокопреосвященства резолюціею 22 іюля на вакансію настоятеля прихода въ с. Лозазахъ

бѣльскаго уѣзда сѣдлецкой губерніи опредѣленъ изъ литовской епархіи гродненской губерніи бѣльскаго уѣзда настоятель брянской церкви священникъ Александръ Повѣдскій.

2. Освященіе церкви въ с. Боньчѣ.

Въ с. Боньчѣ красноставскаго уѣзда на отпущенные изъ церковно-строительнаго кредита 20 т. рублей построена каменная церковь, которая великолѣпно красуется своими тремя куполами подлѣ римско-католическаго костела и, какъ воздвигнутая на возвышенномъ мѣстѣ, видна со всѣхъ сторонъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ. По порученію преосв. Модеста, новостроенная церковь освящена 2 февраля сего года благочиннымъ II холмскаго округа священникомъ Антоніемъ Гисовскимъ въ сослуженіи шести священниковъ. Вечеромъ 1-го февраля въ новой церкви совершенно благочиннымъ съ участіемъ 4-хъ священниковъ всенощное богослуженіе въ присутствіи мѣстныхъ прихожанъ. 2-го февраля въ 9 часовъ утра начался благовѣсть, призывающій къ торжественному священнодѣйствію. Послѣ освященія храма настоятель раколупскаго прихода протоіерей Инполитъ Криницкій произнесъ приличное торжеству назидательное слово. Затѣмъ начался крестный ходъ для перенесенія св. антимина изъ старой церкви въ новую. Народъ слѣдовавшій за крестнымъ ходомъ, не могъ помѣститься въ новомъ храмѣ; весьма многіе богомольцы должны были во время богослуженія стоять на церковномъ погостѣ. Не смотря на суровую погоду съ вѣтромъ и снѣгомъ, на означенное торжество собралось изъ мѣстнаго и соседнихъ приходовъ болѣе тысячи душъ. Въ концѣ литургіи священникъ Іоаннъ Киричинскій произнесъ другое подходящее къ торжеству поученіе. Послѣ литургіи отслужено было молебствіе съ возглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому, Святѣйшему Синоду, Высокопреосвященному Леонтію Архіепископу холмскому и варшавскому и преосвященному Модесту епископу люблинскому. Обрадовались прихожане новоосвященной великолѣпной церкви, сравнивъ съ нею прежнюю свою убогую церковь, покрытую соломой.

Редакторъ, Протоіерей І. Корженевскій

ОТДѢЛЪ II.

Римскій догматъ о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы.

(Продолженіе *).

Доселѣ мы имѣли дѣло съ сочиненіями, специально посвященными раскрытію ученія о непорочномъ

зачатіи, въ которыхъ мысль сосредоточенная на одномъ предметѣ, при сильномъ соучастіи чувства, легко могла переходить въ крайности и преувеличенія. Не то въ книгахъ символическихъ, назначенныхъ для наученія народа истинамъ вѣры, каковы Катихизисы. Въ нихъ строгость и точность изложенія — на первомъ планѣ. Потому, чтобы наше изслѣдованіе было обстоятельно, мы должны еще обратиться къ этимъ книгамъ, Катихизисамъ, и посмотрѣть, какія въ нихъ употребляются доказательства.

Такъ въ Катихизисѣ д-ра Ваплера, одобренномъ Папою Піемъ IX, читаемъ: „Ученіе о непорочномъ зачатіи вытекаетъ какъ изъ священнаго Писанія, такъ и изъ непрерывнаго Преданія. Уже въ первомъ благовѣстіи Божіемъ, которое дано было человѣчеству, говорится о Маріи Дѣвѣ, что *Она сотретъ главу змія*, почему сама никогда не могла быть подъ владычествомъ діавола. Далѣе въ книгахъ пророческихъ Ветхаго Завѣта прославляется таковыми похвалами, что по нимъ можно судить, что Она совершенно непорочна; наконецъ, Она названа *полною благодати*, и поэтому не могла быть ни на одно мгновеніе предметомъ гнѣва Божія. Св. Отцы учатъ при этомъ единогласно, что Марія Дѣва непорочна, что *зачата безъ скверны первороднаго грѣха* (?). Иначе, какъ возможно было бы думать, что Сынъ Божій, вѣчная святость, восхотѣлъ взять человѣческую природу отъ существа, которое и единое мгновеніе было несвятимъ и оскверненнымъ: Какъ можно думать, что Маріи Дѣвѣ, которая отъ вѣчности предъ-установлена была къ высочайшему достоинству Богоматери, хотя бы на одно мгновеніе недоставало той *святости и праведности*, которою одарены были Ангелы, даже и первые люди“.

Таково изложеніе Катихизиса, одобреннаго папою. Но эти самыя мысли у еп. Мартина изложены въ большемъ порядкѣ, въ его катихизическомъ „Вѣроученіи“; у него мы читаемъ:

„Доводы, которые заставляютъ насъ непогрѣшительно вѣровать, что Матерь Божія была зачата безъ первороднаго грѣха, суть сѣдующіе:

1. Нельзя думать, чтобы Предназначенная отъ вѣчности къ столь высокому достоинству, хотя бы на одно мгновеніе была лишена освящающей благодати Божіей,—такого преимущества, которымъ обладаютъ Ангелы, обладавъ даже и первый человекъ.

2. Нельзя думать, чтобы Привѣтствованная отъ Ангела полною благодати когда-нибудь была предметомъ гнѣва Божія.

3. Нельзя думать, что бы Та, чрезъ которую должна быть сокрушена глава змія, сама когда-то была подъ владычествомъ змія.

*) См. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 14 Вѣстника.

4. Нельзя, наконецъ, думать, чтобы святѣйшій Сынъ Божій захотѣлъ воспринять на Себя чистое человѣческое естество отъ существа, которое хотя бы на краткое время было несвятымъ и оскверненнымъ“.

Въ этихъ столь краткихъ и немногословныхъ доказательствахъ собрано все, что было говорено и что можно сказать въ пользу непорочнаго зачатія. Поэтому разборъ этихъ доводовъ даетъ намъ возможность сдѣлать рѣшительный приговоръ объ ихъ достоинствѣ вообще.

Прежде всего мы должны обратить вниманіе на отрицательную форму изложенія доказательствъ. Такая форма несвойственна положительному Божественному откровенію и потому является нѣсколько странною; но здѣсь она имѣетъ такое значеніе, что безъ нея доказательства теряютъ всякую силу. Какъ ни странно это,—но это дѣйствительно такъ. Обратимъ всѣ эти доказательства въ положительную форму, и мы въ томъ наглядно убѣдимся.—Въ такой измѣненной формѣ Онѣ будутъ читаться такъ:

„Доводы, которые заставляютъ насъ непогрѣшительно вѣровать въ непорочное зачатіе, состоятъ въ томъ, что:

а) слѣдуетъ думать, что Предназначенная отъ вѣчности къ столь высокому достоинству съ перваго мгновенія была надѣлена *освящающею благодатию*, такимъ преимуществомъ, какимъ обладаютъ Ангелы, обладалъ даже и первый человѣкъ,—короче сказать, что предназначенная быть Богоматерью была непорочно зачата.

б) слѣдуетъ думать, что Привѣтствованная отъ Ангела полною благодати никогда не была предметомъ гнѣва Божія,—но всегда предметомъ любви Божіей,—а это значитъ тоже, что полная благодати была непорочно зачата.

в) слѣдуетъ думать, что сокрушившая главу змія никогда не была подъ владычествомъ змія, — или что тоже—была непорочно зачата.

г) слѣдуетъ думать, что Сынъ Божій воспринялъ человѣческое естество отъ существа, которое отъ самаго зачатія было святымъ и непорочнымъ, — или иначе, отъ существа непорочно-зачатаго“.

Такъ какъ всѣ эти доказательства суть видоизмѣненіе одной и тойже мысли, — то ихъ можно заключить въ одну формулу.

„Доводы, заставляющіе насъ непогрѣшительно вѣровать въ непорочное зачатіе, состоятъ въ томъ, что

слѣдуетъ думать, что Предназначенная быть Богоматерію была непорочно зачата“. Или еще короче: „Въ непорочное зачатіе заставляютъ насъ вѣровать и притомъ непогрѣшительно то, что слѣдуетъ

въ него вѣровать“. Такимъ образомъ въ доказательство обращено то самое положеніе, которое нужно доказать.

Впрочемъ, если взять доводы и въ ихъ отрицательной формѣ, то выйдетъ тоже самое.—Такъ какъ лишеніе освящающей благодати въ первомъ моментѣ бытія, пребываніе подъ гнѣвомъ Божиимъ, владычество змія,—оскверненіе хоть на краткое время,—все это, какъ мы видѣли выше, выражаетъ одно представленіе — *зачатіе* причастное первородному грѣху,—то въ случаѣ замѣны тѣхъ выражений симъ послѣднимъ обнаружится вся сила доводовъ. Такъ напр. первый доводъ будетъ представлять слѣдующій видъ: „Нельзя думать, чтобы Предназначенная отъ вѣчности къ столь высокому достоинству была зачата во грѣхѣ, или что тоже,—на мгновеніе лишена освящающей благодати“. Такимъ образомъ въ доводахъ мы видимъ ни больше, ни меньше, какъ простое отрицаніе противоположнаго мнѣнія, — или перифразъ самаго положенія, которое требуется доказать. Выходитъ, что „непорочное зачатіе потому нужно признавать, что небыло зачатія во грѣхѣ“.

Такой странный логическій само-обманъ латинскихъ богослововъ, всѣхъ безъ исключения, которые селятся доказать непорочное зачатіе, происходитъ отъ того, что вздумали доказывать логическую невозможность, невысказанную вещь, — исключеніе изъ общаго правила,—о существованіи котораго ничего неизвѣстно. По требованію здравой логики надо доказать ту мысль, что освященіе Дѣвы Маріи совершилось не предъ появленіемъ Ея на свѣтъ, не во время Ея пребыванія во чревѣ матери вообще, но именно во время зачатія, что освященіе позднѣйшее недостаточно для Нея,—но какъ этого никакимъ образомъ доказать нельзя, то, какъ само собою слѣдуетъ, всѣ приводимыя доказательства будутъ только празднымъ пустословіемъ, что мы и видимъ здѣсь.

Нельзя однакожъ сказать, что въ приведенныхъ доводахъ для латинскаго мышленія не существуетъ ничего доказательнаго — въ нихъ есть, за отсутствіемъ внутренней силы, — по крайней мѣрѣ, такая видимость, которая закрываетъ собою внутреннюю бездоказательность. Въ чемъ же заключается эта видимость?—Выше мы показали, что всѣ богословы повидимому доказывали догматъ, а на самомъ дѣлѣ мыслили только *случайныя и произвольныя* формы своихъ представленій о грѣхѣ, благодати и т. д. какъ *необходимыя и безусловныя*, слѣдовательно, доказывали только себя, свои представленія, предметъ же оставался въ сторонѣ. Это же самое представляется и въ доводахъ еп. Мартина и д-ра Ваншера. И здѣсь употребленъ *математическій* способъ доказательствъ, взяты представленія о предметахъ, подлежащихъ

развитію, измѣненію или ограниченію, какъ представленія всегда себѣ равныя, одинаковыя, неизмѣнныя,—словомъ: какъ *точныя математическія формулы*. Таковы: Богоматеринство, полнота благодати, сокрушеніе змѣевой главы, общеніе святѣйшаго Сына Божія съ тварію и освящающая благодать, — съ одной стороны,—и грѣхъ, а равно и зачатіе во грѣхѣ,—съ другой. Предназначенная быть Богоматерію, Св. Дѣва Марія уже въ самомъ зачатіи получаетъ все невыразимое обиліе благодати, всю святость, какая Ей пужна для выполненія своего предназначенія; такъ что „еще во чревѣ матери своей Она была угоднѣе и милѣе всѣхъ праведниковъ, и всѣхъ Херувимовъ и Серафимовъ, *угоднѣе и милѣе ради своей сверхъестественной красоты и пріятности*, а сверхъестественная красота есть освящающая благодать¹⁾. Слѣдовательно святость св. Дѣвы берется какъ всегда себѣ равное состояніе; у Маріи не было возрастанія въ благодати, а только пребываніе въ Ней. Ей не приходилось усовершенствоваться, преуспѣвать въ святости, а только пріобрѣтать заслуги для увеличенія будущаго блаженства. Таково же представленіе и о *полнотѣ благодати*. Св. Дѣва является полною благодати съ момента зачатія и только подъ условіемъ непорочнаго зачатія мыслится эта *полнота*, такъ что не будь Она зачата непорочно, Ее не могъ бы привѣтствовать Ангелъ *полною* благодати, или благодатной. Таково же представленіе и о *сокрушеніи главы змѣя*; т. е. уже съ самаго зачатія Она явилась сокрушительницей; такъ что будь Она зачата во грѣхѣ, Она бы не была сокрушительницей. Таково же представленіе и объ отношеніи святѣйшаго Сына Божія къ Дѣвѣ-Матери, т. е. будь Она причастна первородному грѣху въ зачатіи, — Сынъ Божій не могъ бы никакъ воспринять плоть отъ Ней. Таково же представленіе и объ *освящающей благодати*, какъ совокупности всѣхъ добродѣтелей—и богословскихъ; вѣры, надежды и любви,—и благопріобрѣтенныхъ, такъ называемыхъ *нравственныхъ*, каковы: осторожность, справедливость, умѣренность и сила²⁾; по сему *праведность и святость*, возвращенные Дѣвѣ Маріи при Ея зачатіи мыслятся какъ полнота совершенствъ не только естественныхъ, какими обладалъ нѣкогда первый человекъ—но и нравственно-свободныхъ, какими едвали обладаютъ и праведники при концѣ своей жизни. Наконецъ, такого же рода и представленіе о *первородномъ грѣхѣ*. Въ представленіи о немъ входятъ не только виновность Адама и поврежденіе природы,—но вообще растлѣніе и нечестіе человѣческое,—т. е. входятъ и тѣ черты, каки-

ми изображается въ Писаніи грѣхъ произвольный, дошедшій до послѣдней степени развитія,—какъ то вражда на Бога, рабство грѣху, служеніе діаволу и сродство съ нимъ.—Такъ напр. Христосъ упорныхъ іудеевъ называетъ чадами діавола; *вы отца вашего діавола есте и похоти его хочете творити*. (Іоан. 8, 44). Само собою понятно, что при представленіяхъ такого рода очень легко мыслить о непорочномъ зачатіи; оно становится необходимымъ, а причастность первородному грѣху — невозможною; ибо всѣ такія представленія о Богоматери съ необходимостію исключаютъ первородный грѣхъ, — а освящающая благодать даетъ возможность объяснить и понять это исключеніе.—Въ самомъ дѣлѣ, еслибы Дѣва Марія въ зачатіи своемъ была причастна первородному грѣху — то выходили бы тѣ самыя выводы, какіе уже мы видѣли у латинскихъ богослововъ,—именно, Она была бы грѣшницей, враждовала бы на Бога, стала бы рабою и невольницей діавола, вошла бы съ нимъ въ содружество и даже стала бы его дочерію. Но какъ это невозможно, то значить въ зачатіи Она не была причастна грѣху.

Такимъ образомъ въ безъотносительности и безусловности представленій, въ математическомъ способѣ мышленія о живыхъ (конкретныхъ) предметахъ и заключается та видимость, которою обманываются латинскіе мыслители. Что должно быть обусловлено, строго опредѣлено, заключено въ точное выраженіе, то принимается въ буквальный и въ тоже время безусловномъ смыслѣ. Если стоитъ слово—св. Дѣва Марія или Богоматерь, то это значить—святость безпредѣльная,—все равно,—идеть ли рѣчь о началѣ Ея земной жизни или о препрославленномъ состояніи. Если стоитъ слово первородный грѣхъ, то онъ вызываетъ всѣ ужасныя представленія грѣха и въ такомъ родѣ мыслится, — и т. дал. въ этомъ родѣ. — Если мы, поэтому дадимъ настоящее значеніе представленіямъ, какія входятъ въ составъ доводовъ, то вся эта обманчивая видимость доказательствъ исчезнетъ сама собою. Начнемъ съ перваго довода.

Первый доводъ гласить,—что „нельзя мыслить, или точнѣе,—немыслимо, чтобы Та, которая отъ вѣчности предназначена къ столь высокому достоинству, была хоть на мгновеніе лишена освящающей благодати,—такого преимущества, которымъ обладаютъ Ангелы, и которое нѣкогда имѣлъ первый человекъ”.—Когда католическому законоучителю приходится объяснять этотъ доводъ своимъ ученикамъ, то онъ, безъ сомнѣнія старается раскрыть предъ ними все содержаніе тѣхъ представленій, которыя стоять за этими словами. Поэтому онъ говоритъ такъ: Богоматерь стоитъ по своему достоинству выше Херувимовъ и Серафимовъ, и всѣхъ безплотныхъ силъ; въ силу этого Она должна вмѣщать въ себѣ и всѣ

¹⁾ Mariol. Lenza. стр. 39.

²⁾ Katol. Katechismus Deharba. 1860 г. въ чешск. пер. стр. 88.

ихъ преимущества; а такъ какъ одно изъ ихъ преимуществъ состоитъ въ томъ что они вышли изъ рукъ Творца одаренными освящающей благодатію, или праведными и святыми: то и Она какъ Богоматерь должна быть также надѣлена освящающей благодатію, при первомъ моментѣ своего бытія т. е. должна быть зачата безъ первороднаго грѣха. — Правда, Богоматерью Она стала со времени рожденія Спасителя, — но Она уже отъ вѣчности предназначена была къ столь высокому достоинству, — и слѣдовательно съ самаго зачатія своего Она вступала въ свое предназначеніе, или въ свое высокое достоинство. — И потому *освящающая благодать*, которая дарована была Ангеламъ и первымъ людямъ, при ихъ твореніи, и которая собственно составляетъ ихъ *праведность и святость* — дарована была и Ей при первомъ моментѣ Ея бытія, въ такомъ обиліи, что Она уже тогда была милѣ Богу всѣхъ разумныхъ творей. — Такимъ объясненіемъ исчерпывается вся положительная сила аргумента. — Но за симъ можетъ послѣдовать цѣлый рядъ и отрицательныхъ объясненій. Законоучитель можетъ говорить и о томъ, что бы было, еслибы предназначенная къ столь высокому достоинству, хоть на минуту лишена была освящающей благодати, т. е. еслибы зачата была во грѣхъ и уже затѣмъ получила благодать; слѣдуя руководству своихъ учителей, Онъ сталъ бы говорить, что въ такомъ случаѣ Марія не могла бы быть предназначена къ столь высокому достоинству, не была бы мила и угодна Богу; ибо сдѣлалась бы дочерью діавола, — немогла бы никогда стать выше Ангеловъ и назваться чистой и непорочной, какъ училъ Майрони, — равнялась бы по своему происхожденію съ Магометомъ и даже Іудею Искаріотскимъ, какъ учитъ Сеговіа, или же по словамъ Лигуоріо, стала бы существомъ искалѣченнымъ, оскверненнымъ и нѣкоторое время одержимымъ отъ діавола. Такимъ образомъ была бы исчерпана вся сила перваго довода, и положительная, и отрицательная, и юные слушатели, пораженные сейчасъ представленными ужасами, вполне убѣдились бы въ непорочности зачатія Богоматери! —

Здѣсь достоинство Богоматери понимается слишкомъ вышнимъ образомъ, — а отношеніе вѣчнаго и всевѣдущаго Бога къ началу Ея бытія — слишкомъ непосредственно и недостойно Его Существа. Богоматерь должна обладать и тѣми преимуществами, какія имѣютъ свою причину, не въ свободѣ твари, а въ даяніи Божіемъ, — Она должна получить такое-же начало бытія, какое получили Ангелы и первые люди; — тѣ произошли невинными, съ совершенной природой, — такую же должна произойти и Она, — и это такъ непремѣнно, такъ необходимо, — что не получи Она такого начала бытія, не будь Она

новымъ твореніемъ, — Она никогда не будетъ имѣть достоинства выше-ангельскаго? Вотъ латинская логика!

Не такова логика православныхъ! Достоинство Богоматери, какъ раскрыли мы выше, по существу дѣла состоитъ въ Ея непосредственномъ, глубочайшемъ и живѣйшемъ соучастіи въ страданіяхъ и смерти Христовой, въ совершеннѣйшемъ усвоеніи духа Его человеколюбія и такимъ образомъ, въ преимущественной Ея сообразности съ Нимъ. Здѣсь тайна Ея превознесенія паче всѣхъ разумныхъ творей. Такое превознесеніе Ея, не смотря на Ея общее со всѣми происхожденіе въ первородномъ грѣхѣ, — являетъ полнѣйшимъ, совершеннѣйшимъ и превосходнѣйшимъ образомъ *презльное богатство* благодати къ намъ Божіей, и то несказанное обиліе небесныхъ даровъ, какое даровано намъ во второмъ откровеніи Бога, т. е. въ искупленіи, чрезъ воплощеніе Сына Божія. Такимъ образомъ истинное достоинство Богоматери тѣсно связано со вторичнымъ самооткровеніемъ Божества. При семъ рѣшительно не можетъ быть и рѣчи о томъ мнимомъ преимуществѣ, — о которомъ ревнуютъ латинскіе мудрецы. Зачѣмъ для Богоматери это преимущество? Еслибы еще оно было дѣйствіемъ Ея свободы, — въ такомъ случаѣ можно бы было ревновать о немъ, а какъ оно есть явленіе вышнее для свободы, то не только нѣтъ ни малѣйшей нужды присвоивать оное Богоматери, но съ одной стороны, противно тайнѣ искупленія, а съ другой — несогласно съ истиннымъ достоинствомъ Ея. Ибо тайна искупленія, какъ уже нами сказано выше, открывается полнѣе, когда мы утверждаемъ, что человѣческое естество, поврежденное грѣхомъ, не только возвращаетъ потерянное, но и получаетъ гораздо больше, чѣмъ имѣло въ твореніи, — не смотря на свое поврежденіе оно возводится къ престолу Божію, *идъже есть Христосъ, одесную Бога сядя* (Кол. 3, 1). Равно и достоинство Богоматери является въ большемъ духовномъ величій, когда Она представляется поднявшеюся изъ состоянія поврежденнаго и запятаннаго первороднымъ грѣхомъ — въ состояніе невинное и безгрѣшное, (разумѣется при собственныхъ усиліяхъ и при помощи благодати Божіей); такъ какъ по здравому сужденію, легче сохранить дарованную чистоту, чѣмъ воротить или обрѣсти утраченную.

И вторая мысль, что предназначеніе Богоматери требуетъ немедленнаго освященія при самомъ зачатіи, также неосновательна; ибо представляетъ Бога слишкомъ челоѣко-образнымъ и непосредственнымъ.

Мы православные разумѣемъ это дѣло иначе. Отъ вѣчности Богъ предувѣдѣлъ и предуставилъ всѣхъ праведниковъ къ славѣ и блаженству, но ведетъ ихъ къ предназначенію съ постепенностію, свойственною

природѣ падшаго человѣка. Такъ какъ для истиннаго блаженства разумныхъ тварей необходимымъ условіемъ служатъ ихъ разумъ и свобода, безъ которыхъ немислимо блаженство, — то Богъ, сохраняя въ людяхъ свободу и разумъ, открылъ такое средство ко спасенію, въ которомъ дѣйствія благодати срастворяются съ усиліями свободы, посему ущедря праведниковъ своею благодатію, Онъ въ тоже время развиваетъ, поддерживааетъ и усовершенствуетъ въ нихъ ту долю самостоятельности и самодѣятельности, какую надѣлилъ при твореніи человѣка; — въ силу чего попускаетъ въ нихъ и паденія, — но зная напередъ всю ихъ жизнь, взираетъ не на ихъ паденія, а на ихъ покаяніе и возстаніе, — на ихъ кончину въ святости и праведности и на ихъ славу въ вѣчной жизни. Таково наше разсужденіе и о предназначеніи Дѣвы Маріи. Дѣйствительно, Богъ предназначилъ Ее отъ вѣчности къ высочайшему достоинству — быть на землѣ Матерію по плоти Его Единороднаго Сына. Но этимъ предназначеніемъ никакъ не требуется Ея немедленнаго и чрезвычайнаго освященія при началѣ бытія. По суду самаго же Бога въ раю и по закону произхожденія, Дѣва Марія подлежала прародительскому грѣху со всеми его послѣдствіями, — и въ очахъ Божіихъ такое отношеніе Ея къ этому грѣху было также дѣйствительно, какъ и каждаго изъ насъ, и потому для Нея также требовалось искупленіе, какъ и для насъ, и за Нее также страдалъ Сынъ Ея, какъ и за насъ. Зачѣмъ же нужно было торопиться освященіемъ Ея въ самомъ зачатіи? По нашему мнѣнію, такое непосредственное отношеніе Бога къ предъизбраннѣйшей Дѣвѣ Маріи — немислимо. Въ мысляхъ Божіихъ Она была всегда, отъ самой вѣчности, милѣйшею для Него паче всѣхъ; ибо Господу Ея будущая слава была также очевидна и столько же дѣйствительна, какъ намъ — наше настоящее. Для чего же бы Онъ сталъ надѣлять Ее такимъ обиліемъ благодати съ перваго момента Ея бытія, и ктому же съ нарушеніемъ Ея свободы? Если Господь благоволилъ поставить Дѣву Марію въ нравственно-свободномъ мірѣ выше всѣхъ разумныхъ тварей; то несомнѣнно, ведя Ее къ Ея чрезвычайному предназначенію, Онъ промышлялъ паче всего о томъ, чтобы до возможной степени полноты и совершенства развить Ея духовную природу, укрѣпить и усовершенствовать Ея разумъ и свободу, расширить и поднять до возможной степени ту долю самостоятельности и самодѣятельности, какая свойственна вообще человѣку; ибо только такимъ развитіемъ природы условливается со стороны человѣка приемлемость благодати, а со стороны сколько благаго, столько же премудраго и правосуднаго Бога — Его щедродаровитость. Выше мы уже видѣли, что, дѣйствительно, Дѣва Марія непосредственнымъ и живѣй-

шимъ соучастіемъ въ крестномъ пути своего Сына, въ Его страданіяхъ и смерти, поставлена была во внутренній чрезвычайный подвигъ, въ которомъ сколько возвышалась и усовершалась Ея духовная природа, столько же привлекалась къ Ней благодать Божія, и такимъ образомъ Она восходила къ той пренебесной славѣ, какая Ей была предназначена.

Итакъ немислимо, чтобы Та, Которая отъ вѣчности предназначена была къ достиженію столь высокаго достоинства путемъ чрезвычайнаго соучастія въ тайнѣ нашего искупленія во Христѣ, — нуждалась въ мнимомъ преимуществѣ несквернаго зачатія и рожденія, чтобы для Нея измѣнены были законы и порядокъ спасенія, — общіе всему падшему человечеству.

Второй доводъ въ нѣсколько иномъ видѣ повторяетъ первый и потому имѣетъ столько же доказательности, какъ и тотъ. „Нельзя думать, говорить, чтобы Привѣтствованная отъ Ангела *полною благодати* была когда-нибудь предметомъ гнѣва Божія“. Почему же нельзя думать, почему *полнота благодати* пужна непремѣнно съ самаго зачатія? Почему по соучастію въ прародительскомъ грѣхѣ Она не могла быть нѣкоторое время предметомъ гнѣва Божія? Почему нельзя такъ думать, что сначала Она была подъ гнѣвомъ Божіимъ, (если ужъ говорить человѣкообразно), а потомъ благодатной и благословенной? Мы не видимъ у латинянъ никакого основанія думать иначе, т. е. что если бы Она родилась причастною грѣху, то Она не могла бы быть благодатной, или *полной благодати*?

„По ученію православной Церкви св. Дѣва Марія, какъ дочь Адама и Евы, подлежала гнѣву и суду Божію, — когда произносился въ раю приговоръ на грѣшниковъ, и не смотря на избыточную благодать, дарованную Ей, — жила на землѣ подъ этимъ грознымъ приговоромъ и наконецъ понесла на себѣ и заключительный актъ этого приговора — смерть. Но какъ въ тоже время, въ раю было произнесено, смягчающее судъ Божій, обѣтованіе о *стѣнѣ жены*, — и вѣра въ это Сѣмя сдѣлалась животворнымъ началомъ для всѣхъ спасаемыхъ, привлекала къ нимъ любовь Божію и спасительную благодать, — то и св. Дѣва, не смотря на то, что состояла подъ судомъ Божіимъ, своею вѣрою въ Искупителя, сперва грядущаго, а потомъ пришедшаго, привлекла къ себѣ любовь Божію въ такой степени, въ какой велика была Ея вѣра. Такъ думаемъ мы православные и не находимъ ни малѣйшаго основанія, почему бы нельзя было такъ думать?

Третій доводъ представляетъ невозможнымъ мыслить, „чтобы имѣющая сокрушить главу змія сама нѣкогда была подъ владычествомъ этого змія“. Почему же нельзя? Очень нерѣдко бываетъ, что осво-

бодившійся плѣнникъ возстаетъ противъ своего тирана и побѣждаетъ его. Такъ мы видимъ въ исторіи земной жизни человѣчества, — такъ мы видимъ и въ исторіи спасенія людей. Всѣ праведники не суть ли побѣдители духовнаго змія во Христѣ? Почему же о Пресвятой Дѣвѣ думать нельзя такъ? Вся сила доказательства здѣсь заключается въ представленіи, что зачатіе во грѣхѣ есть тоже, что владычество змія. Но латинскіе мыслители забываютъ, что владычествомъ можетъ быть названо только такое отношеніе вѣдшей силы къ человѣку, которымъ связывается его свобода, и воля насильственно направляется къ дѣйствіямъ, на которыя не согласенъ разумъ. Сообразно ли съ здравымъ человѣческимъ смысломъ прилагать такое понятіе о владычествѣ змія къ зародышу, только-что возбужденному къ жизни?!

При этомъ надобно прибавить, — что самое предположеніе о сокрушеніи змѣевой главы Св. Дѣвою, въ особенномъ чрезвычайномъ смыслѣ, основано на неправильномъ латинскомъ переводѣ, и потому этотъ доводъ не имѣетъ никакой силы уже потому одному, что покоится на ложномъ основаніи. По еврейскому тексту, греческому переводу и по переводамъ древнимъ латинскимъ (Италійскому и Иеронимову)¹⁾ первообѣтованіе отнесено не къ женѣ, а къ Сѣмени жены, что вполне соответствуетъ сущности обѣтованія о Спасителѣ, ибо Онъ есть истинный Сокрушитель главы змія; по соучастію же съ нимъ и всѣ праведники, въ томъ числѣ и св. Дѣва, могутъ называться сокрушителями оной главы, — но повторяемъ, только по соучастію съ Нимъ. — Поэтому первообѣтованіе и не могло быть о самой женѣ. Но такъ какъ эта неправильность, подлежащая сомнѣнію и неоспориваемая латинами, — узаконена Тридентскимъ Соборомъ въ смыслѣ глагола самаго Духа Божія, то очевидно, что доказательство, построенное на такомъ основаніи принадлежитъ только латинской Церкви и общеобязательной вселенской силы имѣть не можетъ,

¹⁾ Латинское чтеніе: *Она* (т. е. жена) *согнетъ главу змія* — есть поврежденіе настоящаго перевода. „Первоначальная Вульгата была только воспроизведеніемъ LXX, въ которомъ стоитъ *αὐτὴς σὺν τῆρῆσι κεφαλῆς, Она будетъ блюсти твою главу*. Въ древнемъ текстѣ Италійскомъ. т. е. въ переводѣ латинскомъ, который составлялъ Вульгату прежде, чѣмъ блаженный Иеронимъ издалъ свой переводъ, было также *ipse* (Онъ). Самъ Иеронимъ не измѣнилъ этого слова, и достоверно извѣстно (какъ можно видѣть въ сочиненіяхъ этого отца, изданныхъ Мартіаномъ), что въ его переводѣ, прежде чѣмъ онъ подвергся поврежденію, стояло также: *ipse conteret caput*. Это чтеніе имѣетъ за себя всѣ манускрипты еврейскіе, нѣкоторые древніе списки Вульгаты, текстъ Самаританскій, всѣ древніе переводы и пунктуацию мазоретскую; ему слѣдовалъ Филонъ, Онкелосъ, Ионаанъ, св. Ириней, Люциферъ, Кальяри, Иеронимъ, св. Іоаннъ Златоустъ, Петръ Хризологъ, св. Евремъ, св. Левъ и другіе.

что и подтверждается распоряженіями самой же латинской церкви, когда уніатамъ дозволено употребить греческій переводъ LXX, въ которомъ первообѣтованіе относится къ Спасителю, а не къ женѣ. Такимъ образомъ третій доводъ служитъ доказательствомъ только того, что догматъ непорочнаго зачатія есть ученіе мѣстнаго происхожденія.

Четвертый доводъ въ иныхъ выраженіяхъ повторяетъ первые два и потому также какъ и тѣ ничего не доказываетъ. „Нельзя думать, говорятъ, чтобы святѣйшій Сынъ Божій восхотѣлъ взять чистую человѣческую плоть отъ существа, которое бы хоть на краткое время было несвятымъ и оскверненнымъ“. Изъ предшествующаго нашего изслѣдованія мы видѣли, что нѣтъ никакого основанія, — почему бы нельзя было такъ думать? Для того Сынъ Божій и сошелъ на землю, для того и даруетъ божественную благодать, чтобы несвятое и оскверненное освящать и вводить въ общеніе съ Святѣйшимъ Божествомъ. Господь нашъ І. Христосъ, говоря объ общеніи человѣка съ Богомъ, даруемомъ въ новомъ заветѣ, не полагаетъ къ тому ни малѣйшаго препятствія не только въ зачатіи во грѣхѣ, но даже и въ произвольныхъ грѣхахъ, лишь бы они были очищены покаяніемъ и воспринятою благодатію. Любовь Божія къ человѣку сама предвѣщаетъ его и стремится войти къ нему, лишь бы отворены были двери сердца и нашлось въ немъ мѣсто: *се стою при дверехъ и толку: аще кто услышитъ гласъ Мой и отверзетъ двери, ввиду къ нему, и вечеряю съ нимъ, и той со мною*. Апок. 3, 20. Господь любитъ праведниковъ (Пс. 145, 8) и Савла гонителя, еще не возрожденнаго водами крещенія, именуетъ уже своимъ избраннымъ сосудомъ, (Дѣян. 9, 15). На основаніи такихъ и подобныхъ свидѣтельствъ Писанія мы утверждаемъ, что Единородный Сынъ Божій, для совершенія тайны своего воплощенія, предвѣдѣлъ св. Дѣву Марію, и хотя Она по естественному происхожденію отъ родителей была причастна первородному грѣху, очистилъ Ея какъ Самъ вѣдаетъ, благоволилъ вселиться въ Нее и вполнѣ соединиться съ плотію, образовавшеюся въ Ея пречистомъ лонѣ. Почему бы такъ нельзя думать? — Латинскихъ мыслителей устрашаетъ грѣхъ своего несмыслимаго — но вольно же имъ такъ мыслить первородный грѣхъ!

Итакъ мы кончили разборъ всѣхъ доводовъ, какіе латинская церковь пріемлетъ для утвержденія непогрѣшительнаго вѣрованія въ новый догматъ. Въ нихъ нѣтъ доказательности, — но они суть перифразъ самаго положенія; положеніе обращается въ доказательство, а доказательство возвращается въ положеніе, въ формулу догмата, какъ это наглядно

мы видѣли у св. Лигуоріо и какъ видѣли здѣсь у еписк. Мартина.

Причины такого въ высшей степени не нормальнаго явленія въ области логики заключаются, съ одной стороны, въ самомъ складѣ латинскаго мышленія, а съ другой—въ его отношеніяхъ къ чувству и воображенію.—Въ продолженіи всего нашего изслѣдованія мы видѣли, что догматы непорочнаго зачатія мыслятся не по *существо*, а съ *точки зрѣнія приличія*, т. е. только по отношеніямъ. — Мы видѣли, что здѣсь мыслятся не законы происхожденія падшихъ людей и ихъ нравственнаго бытія, не существо искупленія нашего во Христѣ и отсюда достоинства Богоматери, но только *отношенія* Богоматери и Ея Сына къ первородному грѣху. „Не прилично было Богоматери имѣть на себѣ прародительскій грѣхъ, неприлично было и Сыну Божію имѣть такую Матеръ, на которой бы былъ этотъ грѣхъ.“—Какъ мы видѣли, всѣ доказательства суть не больше, какъ безконечныя варіаціи этой исходной точки зрѣнія. Но какъ она произвольна, ни на чемъ не основана и сама требуетъ доказательства, — то и всѣ представленія и понятія, входяція въ составъ доказательства, также произвольны и потому доказательства не суть доказательства, а только перифразъ этого положенія,—и если получаютъ силу, то не сами по себѣ, а по *внѣшнимъ* причинамъ, — по вліянію возбужденнаго чувства и воспламененнаго воображенія. Эти душевныя силы принимаютъ произвольныя представленія и понятія за математическія, обще-обязательныя для каждаго мышленія, формулы, а построенныя на нихъ доказательства—за чистую монету, за твердые, убѣдительныя и сильныя аргументы. — Обзорѣніе исторіи догмата и приводимыхъ въ пользу его доказательства оправдываетъ нашъ взглядъ.—Мы уже видѣли, что мысль о непорочномъ зачатіи, по сознанію самихъ богослововъ, возникла изъ благочестія, развилась и окрѣпла изъ невидимыхъ началъ,—т. е. какъ мы раскрыли, изъ преувеличеннаго благоговѣнія къ Богоматери, — мы видѣли, что хотя новыхъ откровеній не было и новыхъ открытій никакихъ не сдѣлано, тѣмъ не менѣе увѣренность въ догматы постепенно возрастала, рѣчь становилась положительнѣе, языкъ энергичнѣе, ужасы отъ представленія противоположнаго мнѣнія страшнѣе, пока, наконецъ, преувеличенія въ изображеніи славы и достоинства Богоматери не дошли до крайнихъ предѣловъ (—какъ это мы видѣли у еп. Малу). Отсюда объясняется, почему доказательства принимались за доказательства, несмотря на свою бездоказательность,—именно потому, что онѣ удовлетворяли благочестивому чувству и воображенію,—были ихъ оправданіемъ и выраженіемъ.—Отсюда слѣдуетъ и то, что на всѣ доказательства и во-

обще на все изложеніе догмата о непорочномъ зачатіи нужно смотрѣть не какъ на раскрытіе новой истины откровенія, а какъ на выраженіе мыслей, чувствованій и фантазій благочестивыхъ сыновъ латинской церкви по поводу зачатія Богоматери.

Такое мышленіе, движимое чувствомъ, но не управляемое созерцаніемъ существа предмета, невозводимое умомъ къ познанію основныхъ и единыхъ законовъ бытія, характеризуется чрезвычайнымъ расположеніемъ къ умозаключеніямъ, въ формѣ силлогизмовъ¹⁾. — Принимая не основанные на существѣ дѣла, произвольныя признаки предмета за безусловныя и необходимыя, оно строитъ цѣлое зданіе умозаключеній, которое на первый взглядъ имѣетъ привлекательную видимость,—но при раскрытіи существа дѣла разрушается само собою. — Такого рода мышленіе называется *внѣшнюю разсудочностію*, потому что хотя разсуждаетъ о предметѣ, но не касается существа предмета, — *формальнымъ*, потому что обращаетъ единственное вниманіе на форму умозаключеній, а не на ихъ содержаніе, — *субтистическимъ*, потому что имѣетъ послѣднюю цѣлію оправдать чувство, каковаго-бы оно достоинства ни было;—и наконецъ на церковномъ языкѣ *мудрованіемъ*, потому что, оправдывая ложь, старается придать своимъ доказательствамъ видъ истинной мудрости. — Всѣ эти свойства, какъ мы видѣли, имѣетъ латинское мышленіе о догматѣ непорочнаго зачатія.

Отсюда само собою понятно, что какъ бы ни было благочестиво такого рода мышленіе, оно непозволительно въ христіанствѣ, потому что ведетъ къ заблужденіямъ, къ ереси. Такое мышленіе, желая оправдать и установить какос-нибудь благочестиво мнѣніе, какъ догматы, стремится обосновать оное такимъ же образомъ, какъ обоснованы и всѣ дѣйствительныя христіанскіе догматы,—т. е. на священномъ Писаніи и на св. Преданіи,—и потому обращается къ этимъ источникамъ христіанскаго вѣроученія, ищетъ въ нихъ слѣдовъ нововозникшаго мнѣнія и, такъ какъ управляется чувствомъ и воображеніемъ, разумѣется находитъ въ такой мѣрѣ, въ какой нужно для оправданія чувства и успокоенія воображенія.—Ясно, что въ такомъ случаѣ не Божественное Откровеніе, какъ источникъ вѣроученія, даетъ содержаніе богословскому мышленію, но само мышленіе произвольно опредѣляетъ его содержаніе. Такое отношеніе мышленія къ Священному Писанію и Священному Преданію называется въ богословской наукѣ *субъективизмомъ*, т. е. навязываніемъ Божественному Откровенію представленій, ему несвойствен-

¹⁾ Расположеніе къ умозаключеніямъ, дѣйствительно составляетъ отличительную черту латинскаго мышленія, что увидимъ полнѣе въ другомъ нашемъ сочиненіи.

ныхъ, чуждыхъ и по существу ложныхъ. — Такое именно отношеніе и ведетъ самомнительныхъ христіанъ къ многоразличнымъ заблужденіямъ, лжеученіямъ, ересямъ; ибо всякаго рода лжеученія въ томъ, и состоятъ, что къ Божественному Откровенію примѣшиваются личныя мнѣнія съ безусловною необходимостію. Такъ это было въ древнія времена, такъ это дѣлается и теперь въ латинскомъ мышленіи, — по отношенію къ данному предмету, къ догмату о непорочномъ зачатіи.

Въ доводахъ еп. Мартина мы уже встрѣчали доказательства построенныя на свидѣтельствахъ изъ Писанія (2 и 3 доводахъ); но мы тогда занимались только логическою стороною доказательствъ, представивъ особому изслѣдованію вопросъ объ отношеніи мышленія къ Писанію, — а теперь займемся и этимъ послѣднимъ вопросомъ.

Чтобы доказать свою мысль по образцу истинъ христіанскаго вѣроученія, защитники непорочнаго зачатія обратились къ Священному Писанію и Священному Преданію, и хотя тамъ, по ихъ же собственному сознанію, ничего нѣтъ о непорочномъ зачатіи, однакожь они нашли свидѣтельства и, какъ оказалось, такія ясныя, что догматъ теперь вѣ всякаго сомнѣнія. — Въ священномъ Писаніи эти свидѣтельства суть: а) первообѣтованіе о враждѣ жены со змѣемъ и сокрушеніи ею главы, б) привѣтствіе Ангела и наименованіе Дѣвы — *благодатной*, (по латинскому переводу, полной благодати) и *благословенной* и в) апокалипсическое изображеніе жены, облеченной въ солнце. — Въ Священномъ же Преданіи — свидѣтельствомъ о новомъ догматѣ послужило и служить всякое указаніе св. отцевъ и учителей церкви о непорочности, чистотѣ, святости, достоинствѣ, величій и славъ Богоматери.

Очевидное дѣло, что найденныя въ Писаніи свидѣтельства не имѣютъ достоинства прямыхъ и ясныхъ свидѣтельствъ о непорочномъ зачатіи; слѣдовательно могутъ быть принимаемы только въ смыслѣ косвенныхъ, или лучше, въ смыслѣ только данныхъ для *вывода* желаемой истины — но въ такомъ случаѣ онѣ важны уже не сами по себѣ, а только по тѣмъ выводамъ, которые изъ нихъ дѣлаются, и потому подлежатъ разсмотрѣнію съ логической стороны, — что мы и сдѣлали выше при разсмотрѣніи втораго и третьяго довода у еп. Мартина.

Но современные латинскіе богословы совсѣмъ не такъ смотрятъ на эти свидѣтельства. Въ нихъ они стали усматривать то, чего прежде не усматривали и такія свѣтила латинской Церкви, какъ св. Бернарды и св. Тома Аквинаты, — т. е. стали усматривать прямое указаніе на непорочное зачатіе.

Чтобы дойти до такого ясновидѣнія, по законамъ здравой логики надо прежде всего доказать а) что

подъ женою въ первообѣтованіи разумѣется не Ева, къ которой собственно относилась рѣчь Божія, — не Церковь, ведущая брань со змѣемъ (какъ и объясняли нѣкоторые изъ св. отцевъ напр. блаженный Августинъ), но именно св. Дѣва Марія, къ которой потому единственно и относится первообѣтованіе; б) что обѣтованіе о сокрушеніи главы змѣя принадлежать не собственно и единственно Христу, Спасителю человѣковъ, но и Его Матери, пресв. Дѣвѣ Маріи; и в) что, наконецъ; вражда со змѣемъ и торжество надъ нимъ стоятъ въ необходимой логической связи съ непорочнымъ зачатіемъ и безъ сего послѣдняго мыслимы быть не могутъ. Тоже самое надо доказать и по отношенію къ привѣтствію Ангела, т. е. что *благодатствованіе* или *полнота благодати* стоятъ въ такой же необходимой связи съ непорочнымъ зачатіемъ какъ и торжество надъ змѣемъ. Тоже и относительно апокалипсической жены; надо доказать здѣсь, что подъ нею должно разумѣть не Церковь, а Пресвятую Дѣву, и что такое изображеніе Ея славы мыслимо только подъ условіемъ Ея непорочнаго зачатія. Но какъ требуемыхъ мыслей доказать никакъ нельзя, что мы и видѣли выше, то и ссылки на упомянутыя мѣста Писанія напрасны, и если онѣ получаютъ какое значеніе, то не сами по себѣ, а по тѣмъ представленіямъ, какія имъ навязаны по вліянію чувства и воображенія; въ такомъ случаѣ не Писаніе доказываетъ догматъ, — а тѣ представленія, какія ему навязаны.

Тоже должно сказать и о ссылкахъ на св. отцевъ и учителей Церкви. Несомнѣнно, что они признавали и исповѣдывали непорочность, чистоту, святость и выше-херувимское достоинство Богоматери, и не находили достаточно словъ для выраженія своихъ чувствъ благоговѣнія и почтенія къ Ней; но изъ этого не слѣдуетъ, что они тѣмъ самымъ признавали и непорочное зачатіе. Чтобы ссылки на нихъ имѣли какую-нибудь силу убѣдительности, надо доказать, что непорочность и чистоту они разумѣли не въ смыслѣ нравственно-свободной, пріобрѣтенной внутреннимъ подвигомъ вѣры и любви, — а въ смыслѣ непорочности и чистоты естественной, — по происхожденію, — надо доказать, что они не могли сомнѣваться въ своемъ представленіи причастность Дѣвы Маріи грѣху и превознесеніе Ея превыше всѣхъ тварей, — а при этомъ надо отклонить всѣ ихъ свидѣтельства не только о зачатіи, но и о рожденіи Ея подъ осужденіемъ, въ болѣзняхъ, съ *плотію грѣха*. Но какъ этого доказать невозможно, — то и ссылки на нихъ будутъ имѣть только мнимую силу; — не отцами будутъ свидѣствоваться латинскіе богословы, а тѣми мыслями, какія будутъ навязаны отцамъ.

Такова наша логика, но не такова логика латин-

скихъ богослововъ.— Ссылаясь на Священное Писаніе и на Св. Преданіе, они представляютъ дѣло въ такомъ видѣ, что существованіе въ нихъ свидѣтельствъ, ясныхъ и прямыхъ, о непорочномъ зачатіи въ всякаго сомнѣнія, и что толкованія этихъ свидѣтельствъ въ другомъ смыслѣ, чѣмъ какъ они толкуютъ, никогда не было и не можетъ быть, — словомъ, что догматъ непорочнаго зачатія ясно данъ въ откровеніи и въ писаніи и въ устномъ.— Въ такомъ видѣ представляется дѣло прежде всего въ буллѣ, а за ней и въ сочиненіяхъ латинскихъ богослововъ.

Булла-составлена ловкимъ и тонко-разсчитаннымъ образомъ, какъ это мы уже показали выше. Составлявшая ее Комиссія богослововъ, не смотря на то, что сама же не нашла необходимымъ для опредѣленія догмата имѣть библейскія основанія и непрерывный рядъ свято-отеческихъ свидѣтельствъ, — представила и тѣ и другія, но такъ впрочемъ, что за догматъ свидѣлствуютъ не папа съ своимъ соборомъ, не большинство учащей Церкви за извѣстный періодъ, какъбы слѣдовало ожидать по новоизобрѣтенному началу опредѣленія догматовъ,—а святые отцы и писатели Церкви,— имъ же приписаны и ссылки на вышеприведенныя мѣста св. Писанія и разумѣніе этихъ мѣстъ въ смыслѣ непорочнаго зачатія; такъ что выходитъ, что догматъ всегда существовалъ въ Церкви и былъ всегда исповѣдуемъ учителями вѣры, и что они всегда усматривали его и въ первообѣтованіи и въ привѣтствіи Ангела, и всегда исповѣдывали, когда восхваляли непорочность чистоту, святость и величіе Богоматери. Такимъ образомъ впечатлѣніе производится вполне благопріятное догмату.

При такомъ способѣ изложенія не нужно было никакихъ объясненій и доказательствъ. Все возложено на св. отцевъ и писателей Церкви; на ихъ авторитетъ почиваетъ разумѣніе Писанія и Преданія. Латинская Церковь такъ разсуждаетъ и такъ учитъ о непорочномъ зачатіи потому, что такъ учатъ отцы и учителя Церкви. — Чтобы придать видъ основательности такой ссылкѣ на нихъ, составители буллы, не именуя никого по имени, говорятъ *вообще, неопредѣленно*, обо всѣхъ отцахъ и писателяхъ, о восточныхъ и западныхъ, древнихъ и позднѣйшихъ, обо всѣхъ *безразлично*. Какъ мы замѣтили выше, — все сглажено, все настроено на одинъ тонъ, всему придавъ одинъ видъ; исчезло различіе, какое существуетъ между непорочностію *благопріобрѣтенной и родовой*, пропасть между тою и другою прикрыта и сдѣлана незамѣтною; разность между благочестивымъ мнѣніемъ и догматомъ забыта, разумѣніе позднѣйшихъ латинскихъ учителей понято такъ тождественное съ разумѣніемъ всѣхъ пред-

шествующихъ, и такимъ образомъ дѣло представлено такъ, что вся Церковь и восточная и западная всегда исповѣдывала зачатіе св. Дѣвы въ одинаковомъ смыслѣ. На сколько истины въ такомъ изложеніи такого важнаго документа, какимъ должна быть для каждаго набожнаго католика папская булла, говорящая во имя Христова и по вдохновенію отъ Духа Божія,—объ этомъ можетъ теперь судить каждый мыслящій читатель, даже и католикъ.

Такимъ образомъ булла о непорочномъ зачатіи есть документальное, предъ всѣмъ міромъ заявленное, свидѣтельство *субъективизма* латинской Церкви. Изъ нея явствуетъ, что частное, изъ благочестія возникшее мнѣніе, сперва скромное и большинствомъ отвергаемое, а потомъ мало по малу распространившееся, латинская Церковь навязала, какъ богооткровенную истину, всѣмъ древнимъ отцамъ церкви, а чрезъ нихъ и священному Писанію. Такой субъективизмъ мы считаемъ началомъ всѣхъ нечравыхъ разностей латинской Церкви, которыми она отдѣляется отъ Церкви Восточной, и главною причиною продолжающагося раздѣленія Церквей.

Въ сочиненіяхъ, писанныхъ послѣ буллы объ этомъ предметѣ, *субъективизмъ*, является безъ всякой застѣнчивости, въ ясномъ и опредѣленномъ видѣ. Способность усматривать въ Писаніи и Преданіи чего тамъ нѣтъ, и не видѣть того, что тамъ есть свидѣлствуетъ объ особенномъ душевномъ настроеніи, близкомъ къ тому состоянію, когда одна какая-нибудь идея получаетъ въ душѣ преобладаніе и затѣмъ такое исключительное господство, что становится и въ мышленіи и въ чувствѣ безусловною, и какъ такая вездѣ предполагается, повсюду ищется и усматривается. Прежде такое настроеніе такихъ лицъ, какъ св. Бригитта, Іоаннъ фонъ Сеговіа Маргарита старшая, св. Альфонсъ Лигуоріо, и под.— было явленіемъ исключительнымъ, теперь оно становится достояніемъ большинства и вошло, такъ сказать, въ свою норму и потому, какъ явленіе нормальное, стало обще всѣмъ латинскимъ писателямъ. Способность—видѣть въ Писаніи и Преданіи преобладающую въ душѣ мысль образовалась, воспиталась, установилась и вполне созрѣла. Такимъ только душевнымъ настроеніемъ можно объяснить сочиненія о *непорочномъ зачатіи* напр. кардинала Гуссе, патера Пассалья и автора сперва порицавшаго догматъ.

Кардиналъ Гуссе, одинъ изъ главныхъ комментаторовъ буллы не стѣсняется, подобно составителямъ ея; онъ не въ общихъ и неопредѣленныхъ словахъ ссылается на отцевъ и писателей Церкви, а именно называетъ ихъ и смѣло и рѣшительно приводитъ изъ нихъ свидѣтельства непорочнаго зачатія, какихъ у нихъ никогда не бывало; а патерь Пассалья до такой степени увлекся мыслию о непорочномъ

зачатіи, какъ мыслию безусловной и всеобщей, что, приходя въ благочестивый восторгъ отъ мнимыхъ свидѣтельствъ Писанія и Преданія, представляетъ дѣло такъ, что чуть не вся Библия говоритъ о непорочномъ зачатіи, а св. отцы и учителя Церкви только имъ и занимались. Возьмемъ для примѣра нѣсколько разсужденій кардинала Гуссе и нѣсколько благочестивыхъ восклицаній патера Пассалыи.

Вотъ напр. какъ разсуждаетъ первый; „Когда наши прародители обольщенные адскимъ змѣемъ, ввели своимъ непослушаніемъ грѣхъ въ міръ, тогда Богъ даровалъ имъ обѣтованіе объ Избавителѣ ихъ и всего ихъ потомства. Онъ сказалъ змѣю: „вражду положу между тобою и между женою, между сѣменемъ твоимъ и сѣменемъ тоя; ты будешь направлять свое жало въ ея пятую, а она сокрушитъ твою главу“ (Гдѣже здѣсь обѣтованіе объ Избавителѣ? Сказано только объ Избавительницѣ?). Эти пророческія слова довольно ясно (?) показываютъ, что Господу неугодно было, чтобы Она *хотя на мгновеніе была подъ властію діавола*, чтобы Она причастна была грѣху Адама и Евы. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ Она не была изъята отъ первороднаго грѣха, то какъбы оправдалось предсказаніе о непрестанной враждѣ между Ею и змѣемъ? Конечно, духъ-искуситель покушался уязвить Ее, но напрасно. Не смотря на свою хитрость, онъ былъ побѣжденъ Ею, и глава его была сокрушена Ея чистой и непорочною стопою. Такъ разумѣть это св. Іустинъ, св. Иринеи, Тертуліанъ, Оригенъ, св. Григорій Неокесарійскій, св. Ефремъ, св. Епифаній, св. Амвросій, Максимъ Туринскій, Исихій, св. Андрей Критскій, св. Іоаннъ Дамаскинъ, Петръ, епископъ Аргосскій, Бруно астіійскій, и другіе древніе церковные писатели“. Точно также авторъ говоритъ и относительно привѣтствія Ангела, т. е. что св. отцы понимали оное также въ смыслѣ непорочнаго зачатія. „Слова *благодатная и благословенная въ жемлахъ*, сказанныя Пресвятой Маріи прежде, нежели было открыто Ей намѣреніе о Ней Промысла, выражаютъ особое Ея преимущество, — такое преимущество, въ силу котораго, *надо полагать*, Она была еще прежде вмѣстительницею благодати, въ отличіе отъ прочихъ чадъ Адама, которые всѣ зачинаются во грѣхѣ. Таковъ смыслъ греческаго выраженія, которое Вульгата переводитъ чрезъ *gratia plena* словами; *полная благодати*... Посему-то Отцы Церкви всегда (?) указывали на эти слова Ангела, когда считали нужнымъ утверждать народъ христіанскій въ вѣрѣ (содержимой ими, впрочемъ, по преданію) относительно непорочнаго зачатія Матери Божіей.“ Въ подтвержденіе своей мысли кардиналъ Гуссе ссылается на древнія литургіи и приводитъ свидѣтельства отцевъ, какъ-то: Діонисія

александрійскаго, Оригена, Софронія — друга Иеронима, и другихъ¹⁾.

Трудно повѣрить, чтобы служители истины въ раскрытіи истины прибѣгали къ помощи лжи и обмана, а къ сожалѣнію это такъ, — хотя, можетъ быть, и безсознательно, въ слѣдствіе выше-указаннаго душевнаго настроенія. Чтобы увѣриться въ этомъ, довольно разобрать и провѣрить, говоримъ двѣ — три ссылки на отцевъ Церкви, какія дѣлаетъ кардиналъ Гуссе. Такъ онъ ссылается на св. Іустина, что будтобы этотъ древній отецъ Церкви въ первоевангеліи о Сѣмени жены усматривалъ непорочное зачатіе и засвидѣтельствовалъ то въ своихъ писаніяхъ. Но вотъ единственное мѣсто, гдѣ Іустинъ приводитъ текстъ *о враждѣ жены со змѣемъ*. Въ разговорѣ съ Трифономъ, отвѣчая на вопросъ, по случаю бѣгства Богомладенца во Египетъ: „неужели Богъ не могъ лучше умертвить Ирода“? — Іустинъ самъ спрашиваетъ: „не могъ ли Богъ еще въ началѣ умертвить змія и не говорить: положу вражду между нимъ и женою и между сѣменемъ его и сѣменемъ ея? Не могъ ли Онъ вдругъ сотворить множество людей?“ — Вотъ всѣ слова Іустина! — Конечно, отсюда трудно вывести свидѣтельство въ пользу непорочнаго зачатія; но, можетъ быть, кардиналъ Гуссе сносилъ съ этимъ мѣстомъ другія свидѣтельства Іустина и изъ этого снесенія вывелъ благоприятный для себя выводъ? — Ничего не бывало. Правда, есть еще одно мѣсто, въ которомъ собственно говорится о Пресвятой Дѣвѣ Маріи, но и это мѣсто ничего не говоритъ ни о непорочномъ зачатіи, ни о враждѣ со змѣемъ. Вотъ это мѣсто: „Признаемъ также, говоритъ Іустинъ Трифону, что Христосъ чрезъ Дѣву сдѣлался человѣкомъ для того, чтобы какимъ путемъ началось преслушаніе, происшедшее отъ змія, такимъ же получило оно и свое разрушеніе. Ибо Ева, когда была дѣвою и невинною, припявши слово змія, произвела неповиновеніе и смерть, а Марія Дѣва, принимая вѣру и радость, — когда ангель Гавріиль принесъ Ей радостную вѣсть, что „найдетъ на нее“ Духъ Господень и сила Всевышняго осѣнитъ ее, посему и рождаемое отъ нея Святое есть Сынъ Божій“, — отвѣчала; „пусть будетъ мнѣ по слову Твоему“. И вотъ

¹⁾ Заимствовано изъ статьи, помѣщенной въ Христіанскомъ Читаніи [за 1858 г. въ №№ 2—4, подъ заглавіемъ: „Римскій догматъ о зачатіи Пресвятой Дѣвы Маріи безъ первороднаго грѣха предъ судомъ Священнаго Писанія и Преданіе св. отцевъ: „Это переводъ статьи, писанной на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *Etudes sur le nouveau dogme de l'immaculée conception... publiés par les auteurs des essais sur la reforme catholique. Paris 1857.* Кто интересуется этимъ предметомъ, рекомендуемъ познакомиться съ этой статьей.

²⁾ Разгов. съ Триф. § 102.

отъ Нея родился Тотъ, о Которомъ сказано въ столь многихъ мѣстахъ Писанія; *чрезъ него* Богъ поражаетъ змія и уподобившихся ему ангеловъ и чело-вѣковъ, и освобождаетъ отъ смерти тѣхъ, которые раскаиваются въ своихъ грѣхахъ и вѣруютъ въ Него¹⁾. Не думаемъ чтобы въ этихъ словахъ Густина можно было усматривать свидѣтельство о непорочномъ зачатіи, и въ этомъ смыслѣ ссылаться на него!!

Патеръ же Пассалья идетъ дальше кардинала Гуссе; онъ до того ясно видитъ въ этихъ словахъ Густина свидѣтельство въ пользу непорочнаго зачатія, что приходитъ въ восторгъ и восклицаетъ: можно ли желать болѣе сильнаго, свидѣтельства въ пользу непорочнаго зачатія?—Послѣ этого не мудрено, что ему казалось, какъ будто всѣ отцы только и занимались—что непорочнымъ зачатіемъ.

Въ такомъ же родѣ ссылка и на св. Иринея, только съ болѣе опредѣленнымъ характеромъ. — Кардиналъ Гуссе утверждаетъ, что будтобы св. Иринея разумѣлъ и объяснялъ первоевангеліе въ смыслѣ непорочнаго зачатія, и навязываетъ ему такія мысли, на которыя у Иринея нѣтъ и намёка,—именно, что будтобы „Богъ не хотѣлъ, чтобы Марія подверглась глетворному уязвленію змія,—нехотѣлъ, чтобы Она находилась хоть одно мгновеніе подъ властію діавола“. Но вотъ это мѣсто у св. Иринея: „Богъ... умилосердился надъ чело-вѣкомъ и вражду, чрезъ которую діаволъ хотѣлъ сего послѣдняго сдѣлать врагомъ Божиимъ, обратилъ противъ самаго виновника вражды. Онъ отвратилъ свой гнѣвъ отъ чело-вѣка, и вражду чело-вѣка всю обратилъ на змія, Объ этомъ свидѣтельствуется Писаніе, приводя слова, которыя Богъ сказалъ змію: *вражду положу между тобою и между женою, и между съменемъ твоимъ и съменемъ твоемъ; той*²⁾ *согнетъ твою главу, ты же будешь блости его плету.* Господь совмѣстилъ въ Себѣ самомъ эту вражду, когда, сдѣлавшись чело-вѣкомъ отъ жены, сокрушилъ его главу“. Въ другомъ мѣстѣ, объясняя тѣже самыя слова, св. Иринея продолжаетъ; „Ибо съ этого времени проповѣдывалось объ имѣвшемъ родиться отъ жены—Дѣвы, по подобію Адамову, какъ о будущемъ главу змія, т. е. о Съмени, о которомъ говоритъ Апостоль... Ибо врагъ не былъ бы побѣжденъ справедливо, еслибы побѣдившій его не былъ чело-вѣкъ отъ жены“. Вотъ объясненіе первоевангелія, данное Иринеемъ. Надо быть

¹⁾ Ibid. § 100.

²⁾ Замѣтимъ, что св. Иринея приводитъ этотъ текстъ по греческому переводу LXX, и относитъ сокрушеніе главы змія къ Искупителю, а не къ женѣ. Припомнимъ сказанное нами при разборѣ третьяго довода еп. Мартина,— и просимъ обратить вниманіе на объясненіе Иринеемъ этого первообъявленія въ слѣдующемъ извлеченіи.

дѣйствительно, въ особомъ душевномъ настроеніи, подъ преобладающимъ и исключительнымъ владычествомъ идеи, чтобы открыть въ этихъ мѣстахъ св. Иринея тѣ мысли, какія нашель кардиналъ Гуссе. Но патеръ Пассалья своимъ душевнымъ состояніемъ превосходитъ и кардинала. Приведши означенныя мѣста съ своими, разумѣется, поясненіями онъ въ святомъ удивленіи восклицаетъ: „у св. Иринея нѣтъ ни одной главы, въ которой бы Марія не представлялась чистой отъ скверны первороднаго грѣха¹⁾“, „Для читателя, никогда не читавшаго писаній св. Иринея, такое восклицаніе весьма убѣдительно и слѣдовательно цѣль автора вполне достигнута!—

Совершенно въ томъ же родѣ и всѣ другія ссылки на Отцевъ и учителей Церкви. Предоставляемъ самимъ читателямъ судить о такой логикѣ латинскихъ богослововъ и ихъ душевномъ настроеніи видѣть повсюду свою завѣтную мысль и не видѣть того, что противорѣчитъ ей!—

(Продолженіе будетъ).

Прот. А. Лебедевъ.

¹⁾ Чтобы не было упрека, что мы намѣренно умалчиваемъ о другихъ мѣстахъ св. Иринея, гдѣ говорится о св. Дѣвѣ,—приведемъ и остальные. Такъ въ книгѣ III, гл. 12, § 4, мы читаемъ: „Сообразно съ симъ и Марія Дѣва оказывается послушною, когда говоритъ: „се раба Господня, да будетъ мнѣ по слову твоему“. Ева же была непослушна; ибо не оказала послушанія, когда еще была дѣвою. Какъ она, имѣя мужа Адама, но будучи еще дѣвою... оказала непослушаніе и сдѣлалась причиною смерти и для себя и для всего рода чело-вѣческаго; такъ и Марія, имѣя предназначеннаго мужа, но оставаясь дѣвою, чрезъ послушаніе сдѣлалась причиною спасенія для себя и для всего рода чело-вѣческаго... Такимъ образомъ и узелъ непослушанія Евы получилъ разрѣшеніе чрезъ послушаніе Маріи. Ибо, что связала дѣва—Ева чрезъ невѣрность, то Дѣва Марія разрѣшила чрезъ вѣру“.

Имѣется и еще одно параллельное мѣсто: Кн. V. гл. 13, § 1,—гдѣ говорится: „И такъ явно Господь пришелъ къ своимъ и былъ носимъ своимъ собственнымъ созданіемъ, которое носится Имъ Самимъ, и непослушаніе, бывшее по поводу древа, исправилъ своимъ послушаніемъ на дрѣвѣ; и о-большеніе, которому несчастно подверглась уже обрученная мужу дѣва—Ева, разрушено посредствомъ истины, о которой счастливо получила благовѣстіе отъ Ангела, также обрученная мужу дѣва—Марія. Ибо какъ та была обольщена словами ангела къ тому, чтобы убѣжать отъ Бога, преступивъ Его слова; такъ другая чрезъ слова Ангела получила благовѣстіе, чтобы носить Бога, повинувъсь Его Слову. И какъ та была непослушна Богу; такъ эта склонилась къ послушанію Богу, дабы дѣва Марія была заступницей дѣвы—Евы. И какъ чрезъ дѣву родъ чело-вѣческой подвергся смерти, такъ чрезъ Дѣву же и спасается, потому что непослушаніе дѣвы уравновѣшено послушаніемъ Дѣвы. Грѣхъ первозданнаго чело-вѣка получилъ исправленіе чрезъ наказаніе Первороденнаго, и хитрость змія побѣждена простотою голубя, и такимъ образомъ разорваны узы, которыми мы были привязаны къ смерти“. По нашему мнѣнію, и въ этихъ словахъ нѣтъ намековъ на непорочное зачатіе.

Мнимо-славянское паломничество въ Римъ.

Письмо 2-е.

10 июля 1881 г.

Прошлое письмо я закончилъ упоминаніемъ о неудачныхъ отзывахъ вашихъ газетъ о славянскомъ паломничествѣ. Галицко-русская газета „Слово“ охарактеризовала эту манифестацію вѣрнѣе другихъ русскихъ газетъ (Новое Время перепечатало его отзывъ); напрасно только оно вздумало усовѣщивать галицкихъ владыкъ-митрополита Сембратовича и его коадьютора и родственника Сильвестра Сембратовича, отправившихся въ Римъ въ одной группѣ съ польскими пилигримами. Какъ будто Слово не извѣстно, что эти господа возведены на свои мѣста и держатся милостями пановъ, правящихъ нынѣ Галиціею, да и сами они сильно ополячены. Притомъ же и они, какъ все извѣстные намъ Галицко-уніатскіе владыки,—ревностные паписты и должны были ѣхать въ Римъ просто изъ послушанія римскому престолу. Что этотъ ихъ поступокъ нельзя назвать патриотическимъ,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія: могли русскій владыка, духовный вождь русской Галиціи, неизмѣняя своей родинѣ, своей исторіи и даже своей вѣрѣ, ѣхать въ Римъ объ руку съ людьми, которые не стѣняясь—публично заявляютъ, что русскіе Галиціи—только gente Rutheni, natione Poloni,— что русскій языкъ — только одинъ изъ жаргоновъ польской рѣчи, — что русскіе должны соединиться съ поляками на началахъ совершеннаго уничтоженія всехъ русскихъ особенностей и даже уничтоженія самой азбуки того именно св. Кирилла, которому якобы праздновали нынѣ и поляки, и замѣны ея польскими буквами (для чего уже цольская партія нашла нужнымъ распространять между русскими Галиціи газетку Swiftlo, которая печатается не кириллицей, а польскими буквами), — что все славяне обязаны усвоить себѣ латинскій обрядъ и что церковно-славянскаго языка ни въ какомъ случаѣ не можетъ допустить въ ихъ богослуженіи римская курія (Czas); пусть судятъ читатели. За то и жалкую роль дали этимъ господамъ заправители паломничества, какъ увидимъ ниже. Теперь перехожу къ описанію подготовительныхъ работъ къ паломничеству.—Кстати, все эти замѣтки, описанія и рассказы взяты исключительно изъ *клерикальныхъ* газетъ—Dziennik i Kurjer Poznańskie, Czas, Germania, Osservatore Romano, Avroga, изъ отдѣла римскихъ корреспонденцій, на отвѣтственности которыхъ оставаемъ всю фактическую сторону этихъ писемъ.

Читатели наши уже знаютъ, что идею Штросмайера о Славянскомъ паломничествѣ разработыва-

ли римскій, познанскій и Львовскій комитеты¹⁾. „Много трудовъ и расходовъ“ потребовалось этимъ комитетамъ, чтобы завербовать и *wysłać* въ Римъ только однихъ польскихъ пилигримовъ. За то, по официальному отзыву Львовскаго комитета, „Убогая польская земля *wyslala* (sic) въ Римъ до 400 человекъ“, т. е. около половины всехъ славянскихъ паломниковъ; по словамъ Познанскаго Курьера, „поляки представились и числомъ и значеніемъ (rowąga) какъ первый въ славянщинѣ народъ, и занимали передовое мѣсто.“ Мы же полагаемъ, на основаніи нѣкоторыхъ вѣскихъ данныхъ, что поляки львовскіе и познанскіе явились въ Римъ въ такомъ количествѣ, что своею численностью и знатностію своихъ представителей совершенно затмили и ступевали чешскихъ, сербскихъ и другихъ славянскихъ паломниковъ, такъ что это паломничество слѣдовало бы называть точнѣе польскимъ, а не славянскимъ, какъ увидятъ читатели и изъ всего хода дѣла. — Нѣсколько непонятно, зачѣмъ понадобилось „львовскому и познанскому комитетамъ“ дѣлать большія затраты, когда въ числѣ паломниковъ польскихъ блистаютъ фамиліи Чарторійскихъ, Потоцкихъ, Плятеровъ, Хлаповскихъ, Сапѣгъ, гр. Тарновскихъ, гр. Млодецкихъ и множества другихъ менѣе знатныхъ, но не менѣе богатыхъ potentатовъ Галиціи и Познани? Эти господа ѣхали конечно на свой счетъ, и везли съ собою не мало хлопской прислуги, потому что, по отзыву польскихъ газетъ, эти магнаты привезли съ собою въ Римъ массу всякихъ національныхъ живописныхъ костюмовъ (напр. гр. Млодецкій на каждомъ своемъ выходѣ надѣвалъ особый, новый польскій костюмъ, — также и гр. Тарновскій и другіе), чтобы импонировать ими въ средѣ паломниковъ. При этихъ вещахъ нужны были люди. Если таковыхъ набралось до сотни, что естественно предположить; то вотъ уже и есть значительный контингентъ паломниковъ хлоповъ. Но расходы и на такихъ паломниковъ комитеты, очевидно, не дѣлали. Во главѣ польскихъ паломниковъ ѣхали еще митр. и епископъ уніатскіе Сембратовичи тоже, безъ сомнѣнія, съ немалою святою клириковъ и слугъ; ѣхали — латинскіе епископы—Янишевскій изъ Познани и Дунаевскій изъ Кракова и съ ними масса латинскаго духовенства. Эти паломники наврядъли тоже получали содержаніе отъ комитетовъ. Очевидно, расходы и притомъ „большіе (znaszne)“ понадобились на вербовку бѣдняковъ—паломниковъ изъ крестьянъ польскихъ и русскихъ,

¹⁾ Предсѣдателемъ римскаго комитета былъ кард. Ледоховскій, а секретаремъ—ксендзь Павлицкій. Въ составѣ же Львовскаго и Познанскаго комитетовъ фигурируютъ болѣею частію ксендзы: они главнымъ образомъ, хлопотали по дѣламъ паломничества

которые о славянствѣ и его интересахъ имѣютъ конечно, очень смутное понятіе. За то такихъ пилигримовъ, охотниковъ къ путешествію, особенно въ Римъ, да еще на чужой счетъ могло набраться въ „убогой (хлопской) Польнѣ и Руси“ не мало¹⁾. И эти польскіе бѣдняки, подъ предводительствомъ своихъ ксендзовъ, составляли самый большой контингентъ, наиболѣе удобный для всѣхъ тѣхъ лицедѣйствъ, какія угодно было продѣлать и по пути и въ самомъ Римѣ ихъ жожакамъ. Ихъ-то и можно было дисциплинировать и дрессировать для какой угодно „манifestацій“, славянской, польской, еврейской, какой хотите. Но какъ хлопы Познани, особенно же Галиціи очень бѣдны; то Комитету, особенно львовскому, дѣйствительно пришлось потратить не мало денегъ. „Мѣщанъ, т. е. горожанъ, по сознанию самихъ польскихъ вербовщиковъ, „было очень мало“²⁾. Очевидно этихъ болѣе развитыхъ и дѣловыхъ людей труднѣе было сманить на такую затѣю даже и перспективой даровой прогулки въ Римъ. Какъ вербовали своихъ паломниковъ всѣ эти комитеты, — этого, конечно, они не скажутъ, какъ и вообще они старались хранить и самое предпріятіе паломничества въ глубокой тайнѣ. Только уже послѣ „блистательно удашнаго“ предпріятія и то благодаря такой, вообще невоздержной на языкъ, газеткѣ, какъ *Gazeta Narodowa*, мы узнаемъ кое что и о нѣкоторыхъ затрудненіяхъ, испытанныхъ вербовщиками паломниковъ, даже, если хотите, о нѣкоторыхъ раздорахъ въ самомъ лагерѣ вербовщиковъ. — Оказывается, напр., что Львовскій и Познанскій Комитеты забыли послать приглашеніе участвовать въ польскомъ паломничествѣ нѣкоторымъ польскимъ знаменитостямъ и даже самому Крашевскому, въ чемъ *Gazeta Narodowa* (№ 159) тотчасъ же и обличила виновниковъ. Хотя самъ еп. Штрессмайеръ и исправилъ эту ошибку польскихъ комитетовъ и письменно и по телеграфу пригласилъ Крашевскаго на это торжество славянскаго единенія (уніи); но польскій бардъ отказался отъ поѣздки якобы по болѣзни, въ сущности же его присутствія, какъ и присутствія другихъ польскихъ знаменитостей, очевидно не желали, дабы не дать основанія говорить, что все это паломничество было исключительно польской затѣей, съ цѣлю еще разъ порисоваться предъ міромъ къ посрамленію москалей польскими доблестями; мало того, хотѣли по возможности выдвинуть русскихъ паломниковъ изъ Галиціи и возможно ярче подчер-

кнуть фактъ тѣснаго единенія между поляками и русскими Галиціи. Смотрите, вотъ главнѣйшіе владыки русскіе ѣхали во главѣ всего состава паломниковъ польскихъ и русскіхъ. Только для выставки, или вывѣски собственно и ѣхали эти владыки; ибо рѣчей при торжествахъ имъ произносить не дано: за то они фигурируютъ всюду, гдѣ нужно показать, что поляки и русины — *to wszystko jedno*. — Изъ за этого превознесенія русиновъ чуть было не вышло такого крупнаго скандала, что бискупъ Дуваевскій (братъ Австрійскаго министра финансовъ — особа съ вѣсомъ и гоноромъ) не захотѣлъ ѣхать въ Римъ, очевидно, разобиженный, что не ему пришлось быть жожакомъ паломниковъ польскихъ. Газеты польскія (*Czas, Dz. Poz. Kurjer* и др.) яростно напали за это на бискупа, — но когда ему объяснили сущность всей этой комедіи; то онъ пожертвовалъ своимъ гоноромъ для *św. jedności*, и поѣхалъ въ Римъ, за что удостоился великой похвалы отъ упомянутыхъ газетъ и великой чести произнести въ концѣ концовъ благодарственную рѣчь папѣ за пріемъ славянскихъ пилигримовъ. Интересенъ еще одинъ эпизодъ съ граф. Кульчицкимъ, который очень обяжелъ, что и его обошли приглашеніемъ къ паломничеству и къ торжествамъ; это — непризнанный Польскій поэтъ, проживающій въ Римѣ, отличающійся яростнымъ патриотизмомъ. Его обошли приглашеніемъ, не смотря на всѣ его хлопоты, такъ какъ св. отецъ не желалъ, чтобы на этомъ торжествѣ задѣвали Россію въ виду все еще продолжающихся переговоровъ Мосолава и Бутенева съ римской куріей. — За исключеніемъ этихъ маленькихъ недоразумѣній, Познанскій и Львовскій Комитеты „выслали“ своевременно и успѣшно массу пилигримовъ, организовали эту массу, научили всему, что нужно было продѣлать и по пути и въ Римѣ, такъ что польскіе паломники были отправлены на особо для нихъ приготовленныхъ поѣздахъ и пароходахъ чрезъ Вѣну, Загребъ, Триестъ и Анкону — въ Римъ. Отъ Загреба (епархія Штрессмайера) къ польскимъ паломникамъ присоединились герцеговинскіе, босняцкіе, болгарскіе, сербскіе паломники, набранные главнымъ образомъ неутомимымъ епископомъ Діаковарскимъ. Каковы это были паломники славянскіе, увидимъ въ слѣдующемъ письмѣ изъ отзываютъ самихъ польскихъ клерикальныхъ газетъ. —

Письмо 3-е.

12 іюля 1881 г.

¹⁾ О русскихъ хлопахъ въ одной польской газетѣ сказано, что было ихъ *kilkanaście* (?) Не много же удалось львовскому комитету, при всѣхъ его затратахъ, завербовать русскихъ крестьянъ??

²⁾ Перед. ст. *Kurjera Poz.* № 160.

„Между Славянскими пилигримами были большею частію духовные“ (*Presse телегр.* 5 іюля). Если изъ числа, офиціально заявленнаго (1,200), славян-

ских паломниковъ исключить поляковъ; то на долю остальныхъ придется все таки почтенная цифра около 600 человекъ. Опредѣлить составъ и характеръ этихъ паломниковъ, за недостаткомъ свѣдѣній, невозможно въ точности. Польскія заграничныя клерикальныя газеты, имѣвшія задачу похвастаться своими родаками — паломниками, мало говорятъ о другихъ славянахъ, илиже ограничиваются перечнемъ лишь „знаменитостей“ славянскихъ изъ Чехіи, Моравіи, Хорватіи, Герцеговины, Босніи, Болгаріи и даже Россіи. Къ немалому нашему удивленію, эти „знаменности“ большею частію оказываются ксендзами; кс. Штульцъ, организаторъ чешскаго паломничества, въ нѣкоторомъ родѣ у чеховъ тоже, что у поляковъ Ледоховскій,—а у сербовъ, хорватовъ и др. югославянъ — Штроссмайеръ; кс. Рачки, кс. Слота, бис. Буковичъ (Боцовичъ?) изъ Мостара, Нилъ Изворовъ *in partibus*—для Болгаріи, Смоликовскій („полякъ латинянинъ — перешедшій въ унию,“ для пользы дѣла, т. е. для совращенія Болгаръ православныхъ—въ унию) для Румелии—и много другихъ такихъже славянскихъ „знаменитостей“ ксендзовъ. Изъ свѣтскихъ знаменитостей польскія газеты называютъ чеха — гр. Гаррата (клерикала), Белькреди — изъ Моравіи и какого то Войновича—хорвата. Правда, корреспонденты упомянутыхъ газетъ, путешествовавшіе вѣстѣ съ этими пилигримами, утверждаютъ, будтобы были и еще какіе-то чехи,—что они пѣли по пути свои славныя пѣсни и даже спеціально составленную въ честь св. Кирилла и Меодія виновниковъ торжества, но опять нельзя не подивиться скромности этихъ корреспондентовъ: они не называютъ ни этихъ пѣвцовъ, ни даже композиторовъ.—Мало того: эти яко бы чехи пѣли извѣстную пѣсню: „Hej, Slovane“, на голосъ тоже извѣстной патріотической пѣсни: *jeszcze polska nie zginęła!* Въ другой разъ эти чехи прекрасно выполняли русскую пѣсню.— Ужъ не изъ Галиціи ли польской—были эти чешскіе пѣвцы, столь близкіе къ полякамъ и русинамъ? Будь это сколько нибудь извѣстные чехи, стихотворцы, композиторы, пѣвцы, не умолчали бы объ именахъ ихъ ни польскія, ни чешскія, ни нѣмецкія клерикальныя газеты (въ родѣ Германіи). Но я напрасно искалъ хоть намека; а слѣдовало объ нихъ сказать какъ можно громче, такъ какъ именно „манifestація“ отъ чеховъ нужна была въ пику Россіи. Еще болѣе упорно молчатъ эти газеты о чешскихъ и югославянскихъ настоящихъ знаменитостяхъ въ родѣ Ригера, которые, будь это паломничество всеславянскимъ, непременно участвовали бы въ немъ (какъ участвовали они въ московскомъ этнографическомъ слѣздѣ 1867 г.).—Удивленіе наше растетъ болѣе и болѣе по поводу молчанія этихъ газетъ объ участіи въ якобы славянскомъ

паломничествѣ— корреспондентовъ чешскихъ, сербскихъ извѣстныхъ всему славянскому міру национальныхъ газетъ и объ отсутствіи въ этихъ газетахъ отзывовъ и корреспонденцій о славяно-римскихъ торжествахъ. Изъ одной только сербской газеты „Застава“—польскій „Czas“ приводитъ краткій крайне неблагоприятный римскому паломничеству славянъ, отзывъ и объясняетъ такой отзывъ сербской газеты влияніемъ московскихъ внушеній и рублей! Наконецъ удивленіе наше переходитъ въ изумленіе по поводу извѣстія, что, кромѣ Штроссмайера и поляковъ, ни одинъ славянскій католическій епископъ не участвовалъ въ славянскомъ паломничествѣ, — что этотъ абсентизмъ не мало огорчилъ св. отца, такъ что кн. Шварценберу, архіеп. Пражскому, пришлось въ видѣ извиненія, послать папѣ уже послѣ возвращенія пилигримовъ изъ Рима особый, сочувственный пилигримству, адресъ отъ лица духовенства всей Чехіи. Изъ всего этого ясно, что патеру Штульцу, при всей общепризнанной его ревности къ св. престолу, удалось на вербовать очень мало чеховъ не говоря свѣтскихъ, но даже и духовныхъ. Да чуть ли не одинъ онъ изъ ксендзовъ чешскихъ только и былъ съ своими пріятелями въ роли паломниковъ чешскихъ. По крайней мѣрѣ цитуемыя нами газеты не упоминаютъ другихъ чешскихъ ксендзовъ.

Что сказать о сербскихъ, хорватскихъ и др. югославянскихъ паломникахъ, о которыхъ упоминаютъ клерикальныя газеты? Они собраны еп. Штроссмайеромъ — двигателемъ латинства на Балканскомъ полуостровѣ. Каковы эти представители южнаго славянства, — можно судить по отзывамъ объ нихъ польскихъ корреспондентовъ: восторгаясь напр. живописностію костюмовъ герцоговскихъ, черногорскихъ (*sic*) болгарскихъ, паломниковъ¹⁾, особенно же воинственною осанкою еписк. Мостарскаго Боцовича, польскія корреспонденты восклицаютъ: „поистинѣ, они имѣли видъ разбойниковъ (*bandytów*), — особенно чалмы ихъ наводили на эту мысль“. Еще лучше характеризуетъ югославянскихъ духовныхъ паломниковъ, т. е. Изворова, Боцовича, Смоликовскаго корреспондентъ Кугера Рѣзнай. „при совершеніи литургіи (въ Римѣ) на болгарскомъ языкѣ, по древнему чину, сами духовные неоднократно ошибались, что дать въ руки епископу, — посохъ-ли, книгу-ли, крестъ-ли, или подсвѣчки (*sic* д. б. дикірии и трикириі), и епископы-де тоже ошибались, что подѣ-

¹⁾ Галиціе и Познанскіе корреспонденты съ особенною любовью и неоднократно расхваливаютъ польскіе, русскіе, гуцульскіе (гуцуль оказался въ единств. числѣ) герцеговинскіе и т. п. костюмы. Точно славянское религиозное паломничество въ Римъ было какимъ то костюмированнымъ баломъ, или маскарадомъ.

ловать прежде, — сложить ли руки для благословенія на крестъ, или держать параллельно (*równolegle*)“ . Возможно ли предположить, чтобы дѣйствительные, всему южному славянству извѣстные владыки и священники могли такъ грубо ошибаться въ восточномъ своемъ обрядѣ, чтобы даже полякъ-католикъ могъ замѣтить ихъ ошибки? Не вѣришь ли будетъ объявить эти ошибки тѣмъ, что эти духовные представители южнаго славянства были просто такими же подставными епископами, священниками, какими вообще обилуетъ римскій папскій клиръ, въ составѣ коего можно найти всѣхъ восточныхъ патріарховъ, многихъ восточныхъ митрополитовъ и имъ подобныхъ сановниковъ. Но особенно хорошъ, я думаю, былъ полякъ — змартвухстанецъ ксендзь Смоликовский въ роли Болгарскаго архіерея восточнаго обряда! И вотъ вамъ всѣ знаменитѣйшіе югославянскіе паломники (о хорватскихъ, привезенныхъ Штроемайеромъ не говорю), — представители всего южнаго славянства!!

Еще болѣе оригинальны въ своемъ родѣ паломники-представители славянства изъ Россіи. Извѣстно, что за упорное сопротивленіе властямъ при очищеніи обряда въ б. холмской греко-уніятской епархіи выслано, къ сожалѣнію, не мало крестьянъ изъ Сѣдлецкой губ. въ Херсонскую. По словамъ заграничныхъ польскихъ газетъ, папа принимаетъ въ нихъ особенно живое участіе и даже переговоры русскихъ уполномоченныхъ потому де не приходятъ къ желанному концу, что папа требуетъ возвращенія этихъ бѣдняковъ въ римскій католицизмъ (уніатовъ-то?!). Вотъ изъ числа этихъ-то сосланныхъ, по словамъ тѣхъже газетъ, удалось бѣжать за границу (должно быть, при содѣйствіи тѣхъ польскихъ помещиковъ херсонской губ., которые такъ подробно описываютъ свое участіе въ ихъ судьбѣ — въ „Газетѣ Польской,“ подъ псевдонимомъ *Długosza*) пятерымъ крестьянамъ, которые присоединились къ галиційскимъ паломникамъ, въ роли представителей нашей Холмщины: *nikogo nam nie brakło, wszyscy ze wszęch stron byliśmy skupieni: z Litwy* (единственный гр. Плятеръ); — *z Rusi, z Polski*, восклицаетъ по этому поводу Курьеръ Познанскій. Но каковы эти делегаты холмской Руси, читатели могутъ судить по ихъ адресу, привезенному якобы отъ всего Подляся (писанному въ Варшавѣ, какъ видно изъ надписи на немъ): въ немъ эти русскіе холмщины именуютъ себя поляками; „*my, polacy, grekounińskiego wuzpania*“ и самый адресъ пишутъ на чис-

томъ польскомъ языкѣ. Это — мужики — то бѣльскаго, константиновскаго уѣздовъ! Для курьеза еще прибавимъ, что и 840 гминь (*sic*) изъ Литвы и Бѣлоруссіи. и 210 гминь (какая точность!) изъ Волыни и Украины представили папѣ, въ качествѣ насильственно оторванныхъ отъ уніи, и свой адресъ, подписанный тоже въ Варшавѣ, писанный тѣмъже стилемъ, что и холмскій адресъ и на томъже языкѣ, и эти якобы Бѣлоруссы (убійцы-то Концевича!), хохлы Волынской, Кіевской губ. тоже именуютъ себя: „*my dziesięć polskiej ziemi!*“ Оба эти адреса на имя св. отца какимъ-то образомъ попали въ редакцію *Dziennika Poznańskiego*, а она уже отъ себя вручила его депутату — пилигриму Хлаповскому, а тотъ представилъ папѣ, а папа, если вѣрить клерикальному *Ossevatore Romano*, принявъ эти адреса, обѣщала несчастнымъ бѣлоруссамъ, хохламъ и др. — свою защиту и велѣла опубликовать въ клерикальныхъ газетахъ: отрывокъ мы читаемъ въ *Kuryerze Poznańskim*, вотъ каковы эти адреса и каковы представители Холмской Руси появились въ числѣ славянскихъ пилигримовъ. Въ довершеніе курьезности всей этой исторіи, познанскія газеты (польскія) похваляются еще, что въ числѣ этихъ пилигримовъ было не мало фамилій на *иц* (т. е. бѣлорусскихъ и вообще русскихъ) и приводитъ въ примѣръ нашего знаменитаго ех-профессора, ех-редактора „Берега“ г-на Цитовича, который не найдя возможнымъ спасти Россію — въ Россіи, укрылся подъ рясою іезуита и съ о. о. Мартыновымъ и Гагариннымъ будетъ изъ за рубежа спасать наше отечество. Онъ-то и есть представитель таинственныхъ *иц*, — представители Великой Россіи — въ славянскомъ пилигримствѣ въ Римъ! И все это клерикалы печатаютъ такъ серьезно, не замѣчая комичной стороны своего краснорѣчія...

Свящ. А. Демьяновичъ.

Содержаніе: Отдѣлъ I. Высшее правительственное распоряженіе: выписка изъ журналовъ Комитета Министровъ 5 и 19 мая 1881 г. Объ освобожденіи присутственныхъ мѣстъ въ губерніяхъ Царства Польскаго отъ служебныхъ занятій въ дни католическихъ праздниковъ по новому стилю. — Объявленія и извѣстія: 1) Назначеніе на вакансію настоятеля ломаскаго прихода; 2) Освященіе церкви въ с. Боньчѣ. — Отдѣлъ II. Римскій догматъ о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы, прот. А. Лебедева (продолженіе). — Мнимо славянское паломничество въ Римъ, свящ. А. Демьяновича (продолженіе).

Редакторы: Священникъ А. Демьяновичъ.
Священникъ А. Будиловичъ.

Печатать дозволяется. — Варшава, 12 августа 1881 года. — Цензоръ, ключарь протоіерей Н. Чеховичъ.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа, Королевская № 11.